

Е. Э. СУРОВА

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет*

МЕТАФОРА «ПРИНУЖДЕНИЕ К ПРОГРЕССУ»*

Идея прогресса была центральной для мысли Просвещения, когда и была дана его отчетливая формулировка. Наследуя этой эпохе, «прогресс» до сих пор остается действительным представлением, хотя и смещенным в сферы научного и технического. В данной статье представляется интерпретация идеи прогресса как принуждения к прогрессу, что экстраполируется на человека и способ его существования, формы личностной реализации и установки на совершенствование себя и мира. *Ключевые слова:* прогресс, эпоха Просвещения, «принуждение к прогрессу», информационное общество, медиа, метафоры современности

Идея прогресса как таковая предполагает процесс позитивного развития, когда осуществляется движение к лучшему, совершенному и т.д. Но применяется данная идея, в первую очередь, в трех перспективах: научно-технической, жизненной и социокультурной. Прогресс обычно воспринимается как «объективный» процесс, в ходе которого происходит «улучшение» чего бы то ни было.

Отчетливое представление о прогрессе формируется в эпоху Просвещения, хотя уже для данного времени возникают определенные противоречия в его отношении. Несмотря на идеологию просветительства, появляется вполне естественное сопротивление попыткам представить прогресс как естественный процесс. Здесь пересекаются ряд проблем. С одной стороны, рождаются сомнения в однонаправленности и позитивности процессов развития. С другой стороны, закономерно рождается страх перед новизной как неизвестностью. Этот инстинктивный страх перед прогрессом сопровождается вполне рациональным нежеланием модернизации устоев жизни, производства и т.д. Привычный уклад жизни, обеспечивающий психологическую комфортность, в большинстве случаев не преодолевается даже представлениями об улучшении бытовых условий, которые воспринимаются как подвох. В этой ловушке за приманкой будет ждать либо обман, либо повышение степени ответственности, либо потребность в собственной активности, которая потребует для реализации условий «договора». Ну, а «договор» вообще ассоциируется с соглашением с дьяволом, и в этом уже точно нет ничего хорошего.

Меньше всего сомнений вызывало представление о научно-техническом прогрессе. Здесь новоевропейская наука с ее механицистскими принципами предположила опытным путем «проб и ошибок» определение лучших и перспективных вариантов, в идеале приводящих к благу для всего человечества. Но, с одной стороны, такая идея «блага» через призму европоцентристского взгляда быстро натолкнулась

* Семинар «Границы в культуре» проводится в рамках деятельности Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ с 2001 года под руководством Суровой Е. Э. 13 декабря 2012 года в рамках деятельности семинара прошел круглый стол «Принуждение к прогрессу». С сообщениями выступили Сурова Е. Э., Овчарова Е. Э., Трофимов В. Ю., Антоновский И. В работе круглого стола также приняли участие Рассадина С. А., Щербаков В. П., Смирнов А. В., Бутонова Н. В., Волкова Л. И., Черных О. Н., Могилевич М. Н., Лапатин В. А., Шестерикова О. А. и др.

на скепсис ее тотальной применимости. С другой стороны, технические новшества вызвали сопротивление консервативного производства, противодействующего обновлению технико-технологической базы, требующей дополнительных вложений.

Таким образом, идея прогресса как таковая оказалась «слева» в перспективе социальных координат. И, следовательно, переместилась в область рассмотрения возможностей прогресса в социокультурной перспективе. Этому была созвучна и идея концептуальной истории, располагающейся, по мнению, высказанному еще А. Фергюссоном, на пути от дикости через варварство к цивилизации. Здесь актуализировалось и рассмотрение перспективы жизни в эволюционном изменении. Одновременно все отчетливее звучали сомнения в возможности прогресса, особенно сквозь призму антропологического взгляда.

Для начала XX столетия в связи с исчерпанностью европейского гуманизма происходит кризис ценностей и превращение идей. Улучшение жизни является уже своеобразной универсальной установкой общественной организации, для которой безусловным элементом становится научно-технический прогресс, а сомнения выстраиваются в перспективе его оценки как блага. Экономические и политические кризисы способствуют попыткам выстраивать проекты социального становления регионов мира, исходя из возможностей планирования и регулирования процессов, в первую очередь, избегая негативных аспектов прогрессивного развития. Модернизация принимается как позитивная идея с негативным контекстом, поскольку таит в себе «издержки», например, конкурентной борьбы, нового общественного разделения, непредсказуемых последствий внедрения новаций и т.д. Вырабатывается и тотальная идея блага, в которой ключевым становится принцип потребления и удовлетворения потребностей. Так рождается общество потребления, где устанавливается режим агрессивного приучения к потреблению, который на определенном этапе начинает восприниматься как «принуждение к прогрессу». Например, это отражается на формировании идеи досуга как декларативного принципа должного для «достойного человека» в его реализации свободного времени. Концептуальным пределом становится идея «достойного образа жизни», глобального стереотипа, локализованного репрезентативно, и различающегося по стилевым показателям.

Трансформация идеи «прогрессизма» во второй половине XX века — это, в первую очередь, ценностное превращение. Раз за разом ставятся вопросы о «смерти прогресса» или «поминкам по Просвещению», где вопрос о стремлении к новому зачастую предполагает обращение к инвариантности уже известного. Так, постмодернисты ставят вопрос о невозможности нового, а К. Хьюбнер о торможении прогресса и его «замирании». Хьюбнер не сомневается в прогрессе, но переводит его в план познания мира, где интенсивность инноваций мифологического миропонимания ничуть не уступает научному, если не превосходит его. Это приводит к мысли, что сам процесс развития мышления человечества имеет разнонаправленный характер и разную степень интенсивности, что снимает вопрос о последовательности прогресса.

Вера в прогресс отступила на второй план уже в конце XIX века, в первой половине XX века научно-техническому прогрессу было выдвинуто обвинение в его антигуманном характере, а во второй половине столетия открылась новая сторона «на-

силія» новизны. Новоевропейская идея гуманизма, ориентированная на познание со всей мощью субъектной агрессии ученого, пережив «антропологический поворот», оказалась в ситуации кризиса. Жесткая критичность и различность субъект-объектных принципов разбилась об идею относительности. Сомнение предстало в новом облике инвариантности, где «все могло бы быть и по-другому». Познание имело различный характер и перспективы, социокультурное развитие шло отличными друг от друга путями, вопрос о технике отступил по отношению к технологиям и их характеру и т.д. Само тело человека, например, Р. Курцвейлом и рядом других авторов оказалось рассмотрено с позиции возможных модернизаций, дабы, в конечном счете, реализовать идею бессмертия как тотальную мечту человечества. Так, был поставлен вопрос о «киборгизации» посредством внедрения электронных или нанотехнологий, которые могли бы позволить постепенно «естественные» части организма заменить искусственными. Здесь сошлись воедино идеи:

- 1) развития человека (модернизация, а в дальнейшем и киборгизация), где прогресс обретает качественно новый характер, воспринимаясь целостным с позиции «жизни»;
- 2) перехода от техники к технологиям: качественный переход от идеи последовательного развития и открытий в науке к радикальным изменениям стратегий жизни с использованием «технологического» режима;
- 3) разрушение целостности идеи «знания» как системы, где системой воспринимается жизнь;
- 4) «знание» вытесняется информацией, которая, скорее, существует мозаично, специфицируясь согласно «антропокартографированию», когда персональный поисковый запрос переживается как деталь «пазловой карты», ориентированной по телесному принципу (низ-верх, голова-сердце, «вкусненькое» и т.д. по «органическим» позициям).

На первом этапе «реализации» комплекса идей произошла специализация знания, на втором — создание «информационной базы», которая позволила получить доступ к дифференцированным сведениям. Информация заведомо предполагала виртуальный аспект своего существования как потенциально востребуемая в рамках отдельной «реальности» обратившегося к ней. Информационное общество в ходе формирующихся сетевых взаимодействий развивалось полинаправленно, избегая какой-либо однозначности. В рамках такой ситуации прогресс как идея непрерывного и целенаправленного изменения начал апеллировать, как ни парадоксально, к традиции, и обрел консервативный характер. Это отразилось на стратегиях организации опыта, опирающегося на сложившиеся в ходе предшествующего исторического периода модели, организации любого типа деятельности, например, производственной. В науке этот процесс условно можно представить как избавление от «новой парадигмы», поскольку авторитетность и центрированность стали принципами подвижными и ситуативно-конкретными.

В обратной перспективе произошло стимулирование открытий со стороны нового «производства» — транснациональных корпораций. Для организации их де-

ятельности новые информационные технологии оказывались необходимыми, более того, сами технологии и их реализация стали производимым ими продуктом. Своеобразный теоретик современности, Герберт Шиллер, поставил вопрос об информационной зависимости, в которую попадает большая часть населения земного шара, и предложил идею «нового информационного порядка». Для Шиллера речь, правда, шла о доминации американских СМИ, но сама постановка вопроса создавала широкие перспективы для интерпретаций. В любом случае, стимулируемый ТНК прогресс в области новейших технологий создал особые общественные отношения. Новые технологии развивались в сторону упрощения «пользовательского режима», одновременно опосредуя взаимодействия индивида с окружающим пространством посредством «интерфейса». И здесь образовались новые области реализации идей прогресса. С одной стороны, прогресса персональной самореализации в перспективе «пользования», где творческая идея преобразования мира замещалась креативным процессом усовершенствования «окрестностей» присутствия. С другой стороны, прогресса технологического преобразования любых форм деятельности. В обоих случаях прогресс подразумевал уже двойственность ценности прогресса. Развитие опосредующих систем взаимодействия с реальностью, в широком смысле, медиа, стимулировало идентификационный процесс, который обрел тотальные характеристики. В то же время определенность идентичности потерялась в широте интерпретаций бытия. Это позволяет поставить для современной реальности один из самых актуальных вопросов: быть или действовать? Такой вопрос производит новое разделение общества. С одной стороны, остаются те, кто продолжает транслировать привычный уже режим общества потребления, где подтверждением существования становится трансляция стереотипных установок соответствия «слов», «вещей» и формируемого ими «образа жизни». С другой стороны, формируются активные сообщества «пользователей», организуемых кластерными взаимодействиями, осуществляемыми в ходе реализации идеи «проекта». Безусловного разделения между ними нет. Персонализованная активность проявляется все чаще, позволяя индивиду ориентироваться на идею автономии, для которой современное общество предлагает различные пути реализации: автономия производства и творчества, что все чаще пересекается (чему служат производимые полуфабрикаты, идеология HandMade, развивающаяся бытовая техника различного порядка и т.д.), автономия жизни и путешествий, автономия общественных связей (преимущественно сетевых) и т.д. Так, например, как отмечал Бен Джонс, изобретательская деятельность становится менее значимой. Это и понятно: изобретение становится делом каждого в том самом автономном режиме жизни, где мы выбираем для себя наиболее приемлемые пути и средства. Идеи автономии еще до конца не вызрели, но симптомы видны, что обнаруживается в новых метафорах современности, например, идеи человеиника и homo mobilis, умной толпы и роевого сознания и т. д. (А. Зиновьев, Г. Рейнгольд и др.) Позитивность автономного принципа при этом является до некоторой степени условной. Это вызвано тем, что постепенно формируется «индустрия автономных средств», за которой следует и информационно-креативное принуждение. С одной стороны, мы сталкиваемся с объективностью

и адекватностью принуждения в технико-технологическом режиме, поскольку вынуждены обновлять свою «техническую базу» как с точки зрения «морального старения» данных средств, так и с точки зрения «нового программного обеспечения», делающего, например, любимый «комп» непригодным даже для решения элементарных задач в сетевом пространстве. Т.е. мы постоянно обновляем арсенал технических средств. С другой стороны, метафора «принуждения к прогрессу» затрагивает аспект личностной реализации, стимулируя к потреблению новой информации, выработке стратегий «обновления» среды обитания и т.д. Т.е. мы вынуждены модернизировать технологический режим собственной жизни.

Окончательно метафора «принуждение к прогрессу» раскрывается в ходе анализа смеховой культуры современной повседневности, в которой «веселенькое» по отношению к прогрессу выстраивается в трех основных направлениях:

— восприятие старых вещей в новом «формате», например, переход от печатной книги к электронной;

— абсурдность старых представлений по отношению к новым формам «электронной» культуры, например, при примитивном повседневном использовании сложных технических устройств;

— парадоксальность телесных переживаний и изменение восприятия, переходящего зачастую в «технологический режим».

Сама метафора «принуждение к прогрессу» имеет двойственный характер и содержит в себе определенную степень иронии, поскольку содержит в себе двойственность условий: насилие как негативность посягательства на персональное переживание жизни и одновременно стимулирование к самосовершенствованию и изменению мира. Но второе — только при идеальном раскладе.